

Aussprache nach in 9 Gruppen gliedern: 1) (*t*)*ts*-Artikulation: *stz, ths, ts, tss, ttz, ttzs, tz, tzs*; 2) (*ʈ*)*ʈ*-, *ʈs* oder (*t*)*ts*-Artikulation: *ddz, dhz, ds, dsz, dts, dtss, dtz, dz, dzs*; 3) (*ʈ*)*ʈ*-Artikulation: *dh*; 4) (*t*)*t*-Artikulation: *tt, t, d*; 5) (*t*)*t*- oder (*ʈ*)*ʈ*-Artikulation: *ht, cht*; 6) *ht*-Artikulation: *ht, cht*; 7) *h*-Artikulation: *h*; 8) (*s*)*s*-Artikulation: *s, ss*; 9) (*s*)*s*- oder (*t*)*ts*-Artikulation: *ssz, sz, z, zsz*.

Die ersten Abweichungen hinsichtlich einer einheitlichen Aussprache von *TS* beginnen sich im 15. Jahrhundert herauszubilden. Ohne den störenden Einfluss des Schwedischen gäbe es vielleicht sogar noch heute das Auftreten von *tts* : *ts* oder *ts* : *ts*, das aus der ostseefinnischen Grundsprache her stammt (all das, was man heute noch in den nahverwandten Sprachen sieht). In 600

Jahren wuchs die Zahl der Varianten von *TS* von zwei (*tts, ts*) auf sieben (*tts, ts, ss, ʈʈ, hh, tt, ht*). Innerhalb von 400 Jahren verschwanden zwei (*ʈʈ, hh*) aus dem Sprachgebrauch, das gleiche Schicksal droht einer dritten Variante (*tts*) und wahrscheinlich in kurzer Zeit noch einer vierten (*ss*). Dann bleiben noch drei Varianten übrig (*ts, tt, ht*). Der lange und komplizierte Entwicklungsprozess von *TS* wird nach Ansicht der Verfasserin in ca. 500 Jahren sein Ende erreichen, was soviel heißt, dass nur eine Variante überleben wird.

Ulla Palomäkis ausführliche Untersuchung ist mit 20 Sprachkarten illustriert. Die mittels der Sprachkontakte aufgebaute Analyse ist neuartig, die Forschungsergebnisse überzeugend.

PAUL ALVRE (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1999.4.09>

А. Н. Ку кли н, Топонимия волго-камского региона. Историко-этимологический анализ, Йошкар-Ола 1998. 206 с.

Монография является результатом многолетних изысканий, она впервые охватывает довольно обширный регион, вводит в науку широкие сравнения, что позволило автору аргументированно провести свои историко-этимологические анализы. Используя лингвистические изоглоссы уральских, тюркских и индоевропейских языков, привлекая археологические, антропологические, фольклорные и архивные материалы, он с достаточной убедительностью определяет хронологическую последовательность формирования топонимических пластов изучаемого региона, устанавливает наиболее типичные модели, семантические типы и ареалы распространения финно-угорских топонимов.

Монография состоит из введения, трех глав и заключения. Во введении автор дает краткую характеристику этнолингвистической карте Волго-Камья, хронологическую стратификацию топонимикона Марийского Поволжья и крат-

кую историю изучения топонимии исследуемого региона.

Первая глава «Уральский субстрат в топонимии Волго-Камья» (с. 14—62) состоит из шести разделов, в которых А. Н. Ку кли н скрупулезно доказывает, что гидронимия рассматриваемого региона складывалась из многовековых лексических напластований генетически родственных и неродственных языков. Вычленение из ее состава первоначальных, глубинных лексем сопряжено с большими трудностями из-за недостаточной изученности диалектов уральских языков, отсутствия древнейших письменных памятников, исчезновения ряда финно-угорских языков в результате ассимиляции.

В разделе «Проблема этнокультурных взаимосвязей финно-угров и самодийцев» автор рецензируемой монографии пишет, что сложность проблемы этногенеза уральской расы дала основание для различных предположений,

иногда явно ошибочных. Сама сложность этнических процессов отразилась и на топонимии. Поэтому, по-мнению А. Куклина, в топонимии рассматриваемого региона наряду с автохтонными топонимами встречаются разноязычные вкрапления, нередко даже экзотические, смысловое содержание которых на материале современных языков народов Волго-Камья не поддается объяснению. К разряду реликтовых географических названий Волго-Камья он относит топонимы угро-самодийского происхождения и в доказательство приводит гидронимы на *-енга/-еньга, -ым, -им, -ум*. Не соглашаясь с Д. Е. Казанцевым, который возводит гидроним *Уньжа* к комиЗ *удж 'нельма'*, А. Куклин, как нам кажется, справедливо сравнивает его с сельк. *унджа 'ручей, речка'* (с. 23).

Прав А. Куклин, нельзя рассматривать топонимическую систему Волго-Камья как результат творчества лишь ныне проживающих там народов, этимологическая интерпретация гидронимов этого региона невозможна без диахронных и синхронных сопоставлений, без учета временных и пространственных рамок уральских языков. Названия таких рек, как Буй, Ик, Икса, Кукша, Она, Сума, Уса, Шора в Западной Сибири, и подобные же названия в Волго-Камье заслуживают специального лингвистического исследования (с. 27).

В разделе «Технические приемы и процедуры этимологизации субстратных тополексем» (с. 27—34) автор на основе этимологизации ойконима *Чумбар* (*Чумбари*) демонстрирует необходимость использования различных данных (археологических, исторических, лингвистических) при выяснении источника происхождения, первоначальной семантики топонимов и убедительно показывает удмуртское происхождение ойконима *Чумбар*, отвергая возможность татарского заимствования, как это полагал автор рецензии (с. 31—33).

В разделе «Гидролексема *си* (*ши*): теоретические аспекты этимологизации» (с. 34—41) на основе анализа существующих этимологий гидролексема доказываемая ее уральское происхождение.

В разделе «Гидронимикон Волго-Камья с формантом *-га*» автор утверждает, что ареал распространения речных наименований на *-га* выходит за пределы Волго-Камья и охватывает большинство регионов средней полосы России, Европейского Севера и отчасти Западную Сибирь и Саянское нагорье (с. 41). На основе анализа гидронимов он приходит к выводу, что формирование этих топоформантов происходило в сложных ситуациях, где имели место уральские языковые отложения и последующие напластования. Определенную роль сыграл угорский субстрат. Так, по мнению А. Куклина, в формировании гидронимов на *-га* возможно участие угро-самодийских племен и, вслед за Э. Беккер, он соотносит формант *-га* с сельк. *кы, гы 'река'* (с. 47), формант *-ю, -юга* — с ф.-у. **jokę 'река'* (с. 51).

Весьма своеобразен раздел «Этимологическая интерпретация гидронимов на *-енга* (*-еньга*)». Автор соглашается с мнением Б. Серебренникова о проникновении гидроформанта *-енга/-еньга* из Сибири. Однако в структурно-словообразовательном отношении допускает сложение его из двух разноязычных элементов: эвенк. *йэнэ 'большая река; исток реки'* и сельк. *-га* (< **ка*) 'река' (с. 51). Что касается Восточной Европы, то здесь в качестве первоосновы он приводит саам. *j'ann^a, јан 'большая река, протекающая через озеро'* (с. 54—55).

Заслуживает внимания и раздел «Лингвобиография гидролексема *-ельга*». Этот гидроформант А. Куклин считает сложным: *ель*, ср. комиЗ *эль 'лесная речка'* + *га*, ср. сельк. *кы, кы 'река'* (с. 60—61). Нельзя его смешивать с тат. *йылга* (орф. *елга*) 'река'.

Вторая глава «Взаимодействие языков и трансформация топонимов» состоит из четырех разделов. В первом разделе «Системность и несистемность в топонимии волжских языков» автор показывает, что при анализе топонимов необходимо опираться на их системность. Действительно, инновации, встречающиеся в географических названиях, как правило, не меняют существенным образом общей картины системности

гидронимообразования (с. 65). Здесь же он справедливо предупреждает топонимистов о том, что под воздействием отличающегося своим грамматическим строем контактирующего языка происходит модификация системности топонимов. Например, под влиянием русского языка почти все названия рек оформляются в форме женского рода с гласным *-а* (ср. р. *Юга* вместо *Юг*, р. *Она* вместо *Оно* и т. д.) (с. 66).

Следующий раздел «Пермские языковые элементы в топонимии Марий Эл» посвящен пермским элементам в марийской топонимии. К ним А. Куклин относит названия рек *Арда, Арбач, Вышкар, Нежнур, Визим, Покшел, Кадеш, Кажам, Акай* (с. 73—75).

В разделе «Системность фонетико-морфологических изменений» на основе сравнительно-сопоставительного анализа выводится заключение: марийские географические названия Прикамья и Приуралья, восходящие к тюркскому источнику, в большинстве случаев сохраняют свое первоначальное значение и употребляются в основном как лексические дублиеты соответствующих исконно марийских названий; в других случаях усвоена семантика марийских названий и на этой основе русские ойконимы оформлены с помощью соответствующих топонимических суффиксов. Иноязычные слова приспособились к фонетической норме марийского языка (с. 80).

В разделе «Марийские топонимы в русской языковой среде» А. Куклин рассмотрел особенности фонетической, морфологической и лексико-семантической адаптации русским языком марийских географических названий.

Глава третья «Флористическая лексика в названиях селений Волго-Камья» посвящена ойконимам, образованным от фитонимов: *шўрго / шїбргї* 'лес', *чодыра* 'лес', *ото / оты, аты* 'роща', *пїнчö / пїнжї* 'сосна', *якте / йакты* 'сосна', *кожла* 'ельник', *тумо* 'дуб', *куэр / кугилä* 'березняк', *чашка* 'молодой березняк', *писте / пиште* 'липа', *шопке / шапки* 'осина', *шоло* 'вяз', *ломбо* 'черемуха', *пїкшерме* 'орешник', *нöллö / лїллї* 'ольха', *шоптыр* 'смородина', *шертнье / шїртньї*

'верба', *ошко / ошкы* 'осокорь', *їэ* 'ветла', *пызле* 'рябина', *полан* 'калина', *ваштар* 'клен', *шоршо / шаршы* 'калина' и рус. *роща, сосна, ель, дуб, береза, липа, осина, черемуха, орешник, рябина, калина, чув. юман* 'дуб', тат. *карлыган* 'смородина'. Автор приводит все ойконимы, в основу которых легли указанные фитонимы, по данным «Административно-территориального деления Марийской АССР» (на 1952 г.), по районам, подсчитывает их количество как в официальном, так и неофициальном вариантах. Жаль, что нет карты Марий Эл с указанием мест их распространения. Правда, приводятся карта, где показаны местонахождения гидронимов *Селенга, Б. и М. Какша* (с. 44), а также карта Восточно-Европейской части России с указанием ареалов распространения хвойных и лиственных пород деревьев (с. 76). Кроме того, дана таблица, демонстрирующая наращивание гидроформантов *-ва, -шур, -нер (-энгер)* на уральскую гидрососнову *си (ши)* (с. 39). Автор не ограничивается статистическими данными, ряд этимологий топонимов он пересматривает и весьма заманчиво. Так, совершенно иначе этимологизируется слово *чодыра / цадыра* 'лес' и считается не чувашским заимствованием, а финно-угорским по происхождению (с. 109), хотя можно было бы здесь и поспорить в отношении фонетического сближения коми3 *сьöрд* 'лес' и мар. *чодыра / цадыра* 'лес; кустарник'.

Некоторые сопоставления гидронимов вызывают у рецензента сомнения, например, р. *Кинер* (лев. приток р. Кондомы, Кемеровская обл.) и р. *Кинер* (*Кўян энгер*, Малмыжский р-н Кировской обл.); р. *Шегарка* (лев. приток р. Оби) и р. *Шугарка* (лев. приток р. Юшут) (с. 26—27). Что касается гидронима *Кинер* (Малмыжский р-н Кировской обл.), то его марийский вариант, как нам кажется, указывает на марийское происхождение со значением 'каменистая'.

Большое сомнение вызывает сравнение гидронима *Покшел* с удм. *покчи* 'младший'. Здесь, скорее всего, мар. *покшел* 'средний', ибо подобные названия рек вполне возможны, ср. р. *Сред-*

няя — лев. приток р. Десны. Нельзя, на наш взгляд, возводить гидроним *Акай* к удм. *ака* (*аки, ако*) 'старшая, сестра; тетя' (с. 73). Соответствие следует искать, наверно, в угорских языках, ср. манс. *ах, ахт* 'протока, соединяющая озера или озеро с рекой, небольшая река'. По нашему мнению, гидроним *Акай* состоит из топоосновы *Ак < Ах* 'речка' и гидроформанта *-(а)й* пермского происхождения, ср. р. *Пижай < Пижаю*. Имеет ли связь гидрооснова *Ак* с названием реки *Ага* в Читинской области, необходимо тщательно исследовать. А. Кушлин прав

в том, что при исследовании истоков гидронимов нельзя ограничиваться небольшой территорией, нужен широкий сравнительно-исторический анализ. В последнее время даже сама теория развития уральской языковой общности во многом пересматривается (Ю. Янхунен, К. Виик, Я. Пустаи, А. Кюннап и др.).

Монография А. Кушлина была бы еще интереснее, если бы он снабдил ее картой расселения уральских (финно-угорских) народов и хронологической схемой напластования и передвижения топонимов.

И. С. ГАЛКИН (Йошкар-Ола)

В. К. Кельмаков, Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография, Ижевск 1998. 386 с.

Удмуртская лингвистическая литература пополнилась исследованием, изданным Удмуртским государственным университетом в трех выпусках серии «Удмурт вераськетъёс» («Удмуртские говоры»). Автор, профессор Удмуртского государственного университета В. К. Кельмаков — один из ведущих финно-угроведов республики, имя и труды которого широко известны не только в России, но и за ее пределами. В течение последних трех десятилетий этим ученым опубликовано свыше 70 работ по вопросам диалектологии и исторической фонетики удмуртского языка, в том числе «Образцы удмуртской речи. Северное наречие и срединные говоры» (Ижевск 1981), «Образцы удмуртской речи 2. Срединные говоры» (Ижевск 1990), «Проблемы современной удмуртской диалектологии в исследованиях и материалах» (= Удмурт вераськетъёс 1) (Ижевск 1992), «Udmurtin murteet» (Turku—Iževsk 1994) и др.

Рецензируемая книга представляет собой обобщение многолетних исследований автора по диалектологии. По сути она является первым самостоятельным учебным пособием по удмуртской диалектологии на русском языке (на фин-

ском языке подобная работа В. К. Кельмакова в переводе С. Сааринен «Udmurtin murteet» издана в 1994 г. Туркуским университетом). Книга базируется на многолетнем опыте преподавания курса удмуртской диалектологии и соответствует ныне действующей вузовской программе по данной учебной дисциплине. Следует отметить, что до настоящего времени по многим вузовским учебным дисциплинам, касающимся удмуртского языка, отсутствуют учебники и пособия.

Композиционно работа В. К. Кельмакова состоит из следующих разделов: «Введение», «Фонетика», «Морфология», «Диалектные тексты», «Примечания к диалектным текстам» и «Приложение».

В начале «Введения» (с. 35—50) автор останавливается на таких понятиях для обозначения единиц диалектного членения языка, как *наречие*, *диалект*, *говор*, *подговор*, *диалектная зона*, которые в современных диалектологических работах используются не всегда однозначно. Во введении приводится также историография удмуртской диалектологии начиная с письменных памятников XVIII века. В истории изучения удмуртских диалектов автор выделяет